

ДУБРОВИНСКИЙ С.Б.

**О РУКОВОДИТЕЛЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА
НАРОДНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ГИНЗ): ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ТАРАСЕВИЧ (1868-1927), ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ДИАТРОПТОВ (1858-1934),
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ МАРЦИНОВСКИЙ (1874-1934), ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ БАРЫКИН (1879-1939)**

Вперше публікується фрагмент зі спогадів професора Самуїла Борисовича Дубровинського (1885-1975), який присвячений чотирьом вченим, першим директорам інститутів, що входили до складу ГІНЗу. Коментарі К.К.Васильєва.

Перехожу к воспоминаниям о ведущих деятелях в первый период работы НКЗ РСФСР¹ по организации ГИНЗа, изучению вопросов микробиологии и эпидемиологии и использованию их достижений в борьбе с наиболее распространенными инфекциями в стране. К ним раньше всего относятся уже упомянутые руководители ГИНЗа, Центральной сывороточно-вакцинозной комиссии и специальных съездов и совещаний, а именно: Лев Александрович Тарасевич и Петр Николаевич Диатроптов. Они являются одними из первых, которые явились в Наркомздрав с предложением отдать свои силы и знания для строительства советского здравоохранения. Об этом упоминается в работах как Н.А.Семашко², так и З.П.Соловьева³. Им с самого начала было поручено организовать Ученый медицинский совет НКЗ РСФСР. Здесь и на других ответственных постах неизменно председателем являлся Л.А.Тарасевич, П.Н.Диатроптов везде был его заместителем. После смерти Л.А. Петр Николаевич занял во всех учреждениях его председательское место.

Образ Л.А.Тарасевича представляется в виде блестящего универсального и многогранного ученого. Он работал в области микробиологии, эпидемиологии и иммунитета, а также по общей патологии. Его работы по эпидемиологическим процессам являлись в первую очередь ответом на потребности страны.

Круг таких инфекций был довольно значителен, а именно: туберкулез, сыпной тиф, дизентерия и т.д. При изучении этих вопросов он пользовался как экспериментальным методом, так и собиранием анкетных материалов. Вместе с И.И.Мечниковым⁴, Жюль Борде⁵ он участвовал в знаменитой экспедиции в Калмыцких степях, где ими изучалось движение заболеваемости туберкулезом и иммунное (аллергическое) состояние населения⁶. В результате этой экспедиции было дано весьма серьезное заключение о состоянии данной инфекции у калмыков.

Он много внимания уделял эпидемиологии сыпного тифа, принявшего в первые годы советской власти пандемический характер в стране. На основании анкетных материалов, собранных в разных местах, Л.А. внес поправку в сводки официальной статистики по этой инфекции. Его поправочный коэффициент, требовавший увеличения индекса заболеваемости не менее чем в 2,5 раза. По его мнению, в стране переболели сыпным тифом во время пандемии 1919-1922 гг. около 25 млн. человек. Этот материал им был использован в докладе об эпидемическом состоянии в России, начиная с 1914 года, сделанном в гигиеническом комитете Лиги Наций и опубликованном в Женеве в 1922 году. Данная работа привлекла внимание ученых как в СССР, где он многократно выступал по этому вопросу, так и за рубежом.

Он проводил серьезные работы по вопросу специфической профилактики и использования новых бакпрепаратов, применяемых через рот, а именно: живые

вакцины и ассоциированные. В их число входили БЦЖ⁷ и вакцина против дизентерии, применявшаяся по Безредка⁸ и др. Его благоприятные в этом отношении заключения способствовали внедрению ряда препаратов в практику.

В соответствии с этим значением, которые приобретали профилактические прививки, одним из первых актов Наркомздрава было создание контрольной станции, в обязанности которой была проверка качества кишечных, противооспенной вакцин и других препаратов. Л.А.Тарасевич был назначен директором этой станции. После организации ГИНЗа последняя, во главе со своим директором, вошла в состав этого института под названием: *“Государственный контрольный институт вакцин и сывороток”*. С течением времени институт развернул большую работу в своей области. Здесь выросли крупные специалисты в различных областях микробиологии и иммунитета. После смерти Л.А. институту было присвоено имя его создателя. В настоящее время он называется *“Государственный контрольный институт медицинских и биологических препаратов им. Л.А.Тарасевича”*⁹.

При советской власти развернулся талант Л.А. как организатора здравоохранения особого стиля. Мы уже отметили, что с его именем связано создание института ГИНЗа, он, как его директор, возглавлял работы по координированию научной деятельности. Кроме этого он специально занимался повышением качества противоэпидемической работы в стране, по созданию Ученого медицинского совета Наркомздрава, по организации и руководству съездами, совещаниями, комиссиями центрального значения и т.д. Его также привлекла проблема подготовки кадров. В этом отношении особое место занимала его деятельность по реорганизации высшей школы, устройству курсов повышения квалификации врачей, руководству кафедрой микробиологии и т.д.

Общественная деятельность Л.А. началась еще до советской власти. Будучи доцентом Новороссийского университета в Одессе, он объединил вокруг себя левую профессию и других преподавателей. После его высылки из Одессы, как политически неблагонадежного, он в 1907 г. переехал в Москву и стал здесь одним из руководителей Пироговского общества врачей и активным участником его съездов.

Его знаменитая речь о голоде, произнесенная в 1907 г. была высоко оценена либеральной общественностью России. Об этой речи вспоминал З.П.Соловьев, когда он в 1927 году прощался с прахом Л.А. Он сказал при этом, что уже тогда было признано, что такую речь мог произнести только большой человек. При советской власти общественная деятельность Л.А. носила многогранный характер. Он был председателем Всероссийского и Московского обществ микробиологов, он редактировал ряд журналов, некоторые из которых были созданы по его инициативе, он принимал активное участие в работах советских энциклопедий и т.д.

С большим достоинством Л.А. представлял советскую медицинскую науку за границей (во Франции, Швейцарии и других местах). Во многом в этом способствовали его давние связи с Пастеровским институтом в Париже и его филиалами (в Тунисе и в др. местах). Он сохранил постоянные дружеские контакты с руководящими кадрами Пастеровского института¹⁰ в Париже. Его заслуженно считали *“Пастеровцем в лучшем смысле этого слова”*. Его доклады о командировках за границей, он делал часто в Московском доме ученых и собирал при этом большую благодарную аудиторию. Нельзя не считаться с тем, что большой интерес к этим выступлениям Л.А., увлекательным по форме и содержащим важные факторы, возрастал еще и потому, что докладчик каждый раз сообщал новые данные о научных достижениях за границей. Это очень ценилось, так как при существовавших в то

время условиях (плохая взаимосвязь с деятелями зарубежья и неудовлетворительное состояние печати) были мало доступны для советского человека.

Л.А. выделялся особыми личными качествами. Его обаяние и авторитет вызывались его особой гуманностью и уважением к человеку, его объективностью, как председателя, и способностью создавать для докладчиков благоприятную обстановку при обсуждении любого вопроса. Естественно, что его многочисленные сотрудники и соратники относились к нему с любовью и добивались выполнять работу под его руководством, а при возможности и при его участии. Ему доставляло большое удовольствие, когда он мог подчеркнуть их успехи. Собственно говоря, с такого его жеста начались наши деловые контакты с ним. Согласно статуту в феврале 1919 года был сконструирован Ученый совет ГИНЗа. Я был избран его ученым секретарем. Новому учреждению нужны были средства. Мне удалось в этом убедить соответствующих лиц и получить денежный чек. Для этого нужно было только изложить задачи учреждения и их соответствие с существующими потребностями в борьбе с заразными болезнями. Вскоре после этого Л.А. пришел в СЕС¹¹ и поздравившись произнес: *“Кто здесь этот волшебник, которому удалось это сделать”*.

Совершенно другое отношение у него было к людям, в которых он, по каким-нибудь серьезным причинам, разочаровался. В этих случаях они теряли его доверие со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне были известны два случая, когда такое отношение сохранилось у него к деятелям науки в течение долгого времени, хотя условия для их деятельности изменились.

Он видимо придавал большое значение личным качествам человека и его принципиальности и при этом считал, что они не меняются при приходящих обстоятельствах.

Л.А. был талантливый оратор, о нем говорили, что он является первым оратором среди советских врачей, и это, безусловно, не было преувеличением. Вспоминается такой случай на X съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в 1926 году¹². Ввиду обострения его болезни, он не мог систематически присутствовать на заседаниях. В последний день работы он пришел на объединенное заседание оргбюро, президиума и секретариата, где заслушивались проекты постановлений и разбирались организационные вопросы. Для него это было достаточным, чтоб заявить о своем намерении сделать резюме, тем более, что съезд был посвящен памяти его учителя И.И.Мечникова. Он произнес большую речь, блестящую по форме и насыщенную содержанием, что было отмечено многими членами съезда.

Из особенности Л.А. следует отметить его любовь к искусству - он обладал хорошим голосом и нередко, как певец выступал с большим успехом. Тем самым он сближал всех присутствующих как товарищей и друзей.

Общение в течение ряда лет с Л.А.Тарасевичем, выполнение его заданий, выслушивание его замечаний и исправление работ по его указаниям и поправкам, а также присутствие на его блестящих докладах и обобщениях, как и наблюдения за тем, как он разрешал серьезные вопросы, не могли не оставлять глубокого следа у его помощников и сотрудников. У него была еще одна особенность - расположение к людям и готовность оказывать помощь в различных ситуациях. Все это действовало на окружающих видимыми и невидимыми путями.

Я до сих пор жалею, что так рано ушел из работы по Ученому совету ГИНЗа, протекавшей под непосредственным руководством и в контакте Л.А. Он лично и другие члены совета не рекомендовали мне менять свое место работы. Это даже было подчеркнуто на заседании Совета. Мне казалось, что на этом посту должен

быть приглашен более подготовленный работник, а для себя я считал необходимым совершенствовать свои знания по микробиологии. Для этой цели я перешел на работу в Центральный производственный институт по приготовлению бакпрепаратов. Хотя из всего изложенного о работах по съездам, Центральной сывороточно-вакциновой комиссии и в микробиологическом обществе видно, что это дало мне возможность продолжать контакты с этим человеком. Все же нет сомнения, что для меня могло быть намного лучше, если бы я продолжал более тесную связь с Л.А.

В 1924 г., когда Ученый совет ГИНЗа меня избрал заведующим отделом Санитарно-гигиенического института, Л.А. сообщил мне об этом лично в присутствии П.Н.Диатроптова и слегка настоятельно добавил: *“больше не меняйте своих мест”*.

Неудивительно, что у Л.А. была установлена большая дружба со многими лицами еще во время деятельности в Одессе. В этом отношении особенно выделялись его дружба с П.Н.Диатроптовым, который в течение многих лет руководил Одесской бактериологической станцией. Эта дружба и взаимная любовь сохранялась между ними в течение всей их жизни.

Когда думаешь о взаимоотношениях, существовавших между Л.А.Тарасевичем и П.Н.Диатроптовым, напрашивается распространенное изречение *“если хочешь знать, что собой представляет какой-нибудь человек, посмотри кто его друзья”*. В данном случае это соответственно выгодно характеризует их обоих.

По настоянию Льва Александровича П.Н.Диатроптов переехал в 1910 году в Москву.

Л.А.Тарасевич умер от несчастного случая, будучи на излечении в Саксонском санатории. Сопровождавший его сын доставил урну в Москву. На вокзале было много народу. Урну установили в конференц-зале Контрольного института. Здесь все время играл оркестр первоклассных исполнителей, и было произнесено много речей. Кроме вышеупомянутой речи З.П.Соловьева, следует отметить и прочувствованную речь П.Н.Диатроптова. На похоронной процессии случилось так, что я очутился рядом с П.Н.Диатроптовым, и с его слов было видно, что он доволен тем, как московская медицинская общественность и сам Наркомздрав, отметили заслуги самого дорогого для него человека.

* * *

Петр Николаевич Диатроптов отличался внешней сухостью и сдержанностью, но за этими чертами скрывалось искреннее доброе и теплое сердце всегда доступного человека. Говорили, что внешностью он похож был на И.С.Тургенева. Мне кажется, что он знал об этом, но никогда не касался этого вопроса.

Его высоко ценили как принципиального, объективного, беспристрастного, всегда спокойного и мудрого человека. Его научная, общественная и практическая деятельность переплетались между собой. Он был в одинаковой степени гигиенистом и эпидемиологом (в современном понимании этой специальности). Свою деятельность санитарного врача он начал на юге Украины. Мы уже отметили как высоко он оценивал роль и значение санитарного врача. Нет сомнения, что он лично полностью отвечал этим требованиям. Уже тогда он высоко ценил значение экспериментальной гигиены и использование ее данных в практической санитарной службе. Признавая, что в современных ему условиях в деятельности санитарного врача борьба с заразными болезнями должна занимать ведущее место, он при этом считал, что в данном случае необходимо в одинаковой степени учитывать этиологический момент и внешние условия, которые влияют на состояние здоровья населения. Выполняя задачи санитарного врача, Петр Николаевич одновременно с

большим интересом боролся с дифтерией, бешенством, чумой, оспой, холерой и др. инфекциями, имевшие в то время распространение в местах, где он работал в Херсонской губернии. Он много внимания уделял прививочной профилактике и являлся одним из первых, который способствовал применению вакцины и специфической сыворотки в борьбе с дифтерией. О том, как П.Н. был заинтересован этой проблемой, говорит дошедшая до нас опубликованная брошюра на тему *“Теория и практика предохранительных и лечебных прививок при инфекционных болезнях”*, изданная Херсонским губернским земством в 1905 году. В дополнение к широко использованным литературным данным он приводит материалы Одесской бактериологической станции и наблюдения Херсонского земства.

Из его основных положений следует подчеркнуть, что за исключением предохранительных прививок против оспы и лечебно-профилактических против бешенства, все остальные способы предохранения людей от заразы, т.е. прививки, все-таки остаются вспомогательными.

Эта работа заканчивается следующими двумя заключениями:

“1. Для широкого применения в земской практике допустимы только те предохранительные и лечебные прививки действительность и безопасность которых доказана экспериментальными работами в лабораториях и опытах на людях, проведенным в достаточном количестве в обстановке, позволяющей сделать из них правильные выводы;

2. Земско-медицинские организации в интересах борьбы с эпидемиями должны быть обеспечены в достаточной степени общепризнанным прививочным материалом”.

Мы видим, таким образом, что указанные рекомендации сохранили всю значимость до настоящего времени.

Испытывая потребность восполнить свои знания, П.Н. прерывает свою работу и уезжает в Москву, где он в течение полутора лет изучает систему Ф.Ф.Эрисмана¹³. Отсюда он по назначению Херсонского губернского земства направляется в Одессу в качестве городского санитарного врача. Здесь он тесно связал свою деятельность с Одесской бактериологической станцией, созданной И.И.Мечниковым во время его работы в Одессе. Последнего сменил в качестве директора О.Буйвид¹⁴, а в 1892¹⁵ году это место занимает П.Н.Диатропов.

Из Одессы последний вынужден был уехать в 1907 году, после чего он в течение трех лет проводил мероприятия по борьбе с холерой в районе средней Волги. Отсюда он переезжает в Москву, где организовывает бактериологическую лабораторию, готовившую бакпрепараты. На ее базе проводились также курсы по подготовке и усовершенствованию санитарных врачей и бактериологов. Вскоре П.Н. одновременно занимает на Высших женских курсах¹⁶ кафедру общественной гигиены, которая впоследствии трансформировалась в самостоятельную область гигиенической науки - социальную гигиену. Он, таким образом, является первым у нас в стране, который выделил социальную гигиену, как самостоятельную дисциплину. Он разработал программу и план занятий. Мы об этом говорим, хотя знаем, что сделанное в этом направлении им ни в какой мере не могло соответствовать тому, что было осуществлено Н.А.Семашко и З.П.Соловьевым при создании ими кафедр социальной гигиены при первом и втором московских медицинских институтах в советское время.

После смерти профессора Коцына М.Б.¹⁷ занимает на этих курсах кафедру общей гигиены и остался на этой должности во II-м Московском мединституте, куда пришли Высшие женские курсы, до 1925 г. О его постоянном интересе вопросу повышения квалификации санитарных работников говорит его доклад на VII Всероссийском съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в 1923 году¹⁸ *“О*

подготовке санитарных врачей”. Предложенный им план и намеченная программа соответствовали требованиям того времени.

В Москве П.Н. развернул большую общественную деятельность. Работая в Пироговском обществе врачей, он занимал там ряд ответственных постов вплоть до председателя последнего съезда в 1916 году. Он являлся редактором издававшегося обществом журнала “*Общественная гигиена*”. С самого начала Первой мировой войны он перешел на работу в Земский союз, где являлся председателем врачебно-санитарного бюро. Учитывая личные качества, роль и значение деятельности в этом учреждении, его здесь называли “*совестью земского союза*”. В 1917 году П.Н. избирается председателем Центрального врачебно-санитарного совета в Петрограде. Как уже было отмечено, П.Н. относится к тем медицинским научным работникам, который, по определению Н.А.Семашко “*протянул одним из первых руку помощи советскому здравоохранению*”. Он здесь работал рука об руку с Л.А.Тарасевичем и везде являлся заместителем председателя. После смерти Л.А. он избирается их председателем.

В недрах ГИНЗа он берет на себя организацию Санитарно-гигиенического института и руководство им. Этот институт стал главным центром его творческой деятельности. Он формировал его задачи, как изучение внешних условий, влияющих на здоровье широких масс населения РСФСР, особенно по отношению к инфекционным болезням, установление доступных мер борьбы с вредностями и выработка методов правильной охраны народного здоровья.

В соответствии с этим институт делился на отделы: питания, жилищно-коммунальный, водоснабжения и очистка питьевых и сточных вод с подотделом в виде показательной станции по очистке воды, эпидемиологии и дезинфекции. П.Н. стремился к тому, чтобы институт, который изучал различные объекты и пользовался разнообразной методикой, был пронизан гигиенической сущностью. Он привлекал на ответственные должности химиков, инженеров, физиков и бактериологов. В первый период деятельности института здесь существовала также станция профессиональной гигиены, руководимая В.А.Левицким¹⁹. В 1924 году она вошла в созданный, под руководством последнего, специальный институт охраны труда.

Сфера деятельности института систематически росла. Коллектив, состоявший из представителей разных специальностей, объединенный авторитетным руководством, выполнял с большой заинтересованностью общие дела в соответствии с направлением деятельности учреждения в целом.

На большом письменном столе П.Н. всегда лежало много папок по вопросам, на которые он давал заключения, а иногда ограничивался лишь редактированием после составления документов соответствующими сотрудниками.

Коллективные и индивидуальные обсуждения, как научно-практических, так и административно-хозяйственных вопросов, и принятие решения проходило в исключительно благожелательной обстановке. В качестве примера укажу на выдержку из его заключения по поводу одной моей работы, которую он направил в редакцию. Надпись его гласила: “*написано протокольно, сжато, но читается с интересом*”.

Во всех трудных и спорных вопросах, как больших, так и малых, он всегда стремился принять такое решение, которое соответствовало бы интересам дела и подчеркивались бы заслуги определенных заинтересованных лиц. Он очень уважал достоинства человека. Почти во всех случаях, свидетелем которых я бывал, ему это удавалось. Правда, бывали исключения, приведу некоторые из них:

Один из его ответственных сотрудников, довольно опытный, способный человек стал морально деградировать и его поступки иногда дискредитировали

институт. Не будучи в силах побороть этот недуг сотрудника, П.Н. решился на крайнюю меру. Он снял его с работы и в административном порядке назначил другого. Мне пришлось наблюдать, как это было тяжело для нашего директора. Этот сотрудник уехал на далекую периферию и, как передавали, стал полезным работником.

Бывали случаи, когда П.Н. приходилось принимать решения, в которых я был заинтересован. Он всегда оставался верным себе.

В 1923 и 1924 гг. Наркомздрав командировал меня в Германию как своего уполномоченного при Торгпредстве по оформлению заказов на получение лабораторного оборудования для институтов и лабораторий. По окончании срока моей командировки руководство Торгпредства обратилось в Наркомздрав с просьбой о продлении последней. Это дело было передано на рассмотрение П.Н. Он меня вызвал в кабинет и без всякого объяснения сообщил мне, что будет возражать.

Меня это не удивило, т.к. я знал, что в таких случаях он в первую очередь считается с интересами своего института. Отстаивать эти интересы он требовал и от своих сотрудников. О том, что в зависимости от ситуации, он обе линии проводил не всегда одинаково, говорит следующий случай.

В 1928 году я заболел. Московские врачи меня направили на лечение в Наугейм (немецкий кардиологический курорт). В Берлине клиницисты предложили мне лечиться Карлсбадскими (ныне - Карловы Вары)²⁰ водами. Дело, действительно, пошло на лад. В ответ на мое письмо П.Н. мне сообщил, что в институте много дела, предстоит тяжелый рабочий год и рекомендовал задержаться до тех пор, пока мое здоровье не будет полностью восстановлено.

Начиная с 1924 года мне пришлось занимать в Санитарно-гигиеническом институте должность заведующего эпидемиологическим отделом, где вместе с небольшим коллективом (Е.С.Акимов²¹, Арбатская²², А.М.Кранцфельд, В.Д.Розенфельд²³, Э.Г.Саламандра и В.Д.Хатаневер²⁴). Мы разрабатывали вопросы эпидемиологии натуральной оспы, бешенства, кишечных инфекций, гриппа и глистных инвазий. Важным разделом в нашей работе была, кроме того, разработка методологических вопросов санитарной бактериологии. Мы широко принимали метод экспедиционный и стремились при этом к взаимосвязи с периферическими институтами, лабораториями и органами здравоохранения. К нашему участку работы П.Н. проявлял большой интерес и внимание. Во время нашего изучения эпидемии брюшного тифа и паратифов в Ростове-на-Дону в 1926 году, П.Н. возглавив комиссию Наркомздава, которая выехала на место для дачи заключений. Надо было решить спорный и жизненно важный вопрос о допустимости пользоваться водой из водопровода, после пережитой тифопаратифозной эпидемии водного происхождения. При последнем посещении водопровода, после проведенных мероприятий, П.Н. предложил подать ему стакан воды, непосредственно взятой из крана. Воду он выпил до дна. На окружающих этот поступок П.Н. произвел сильное впечатление. Сам же он не видел в нем ничего особенного. Он объяснял свой жест тем, что надо было добиться срочного прекращения водного голода в городе, и он этого добился. Не исключается, что в данном случае сказывались его скрытые качества и потребность действовать личным примером. Кроме того, в этом поступке проявилась известная для П.Н. решительность и конкретность при вынесении заключений, при внедрении нового и проведении важных мероприятий. Эти его черты были известны для него, в частности при внедрении противодифтерийных сывороток, противохолерных мероприятий, при установлении индикации, для выполнения антибарических прививок и т.д. Одновременно с этим, как мы уже

отметили, он был противником полностью не оправданных прививок. В бытность его заведования Одесской бактериологической станцией ему приходилось замерять отсутствовавших рабиологов пастеровского отдела последней. Как правило, он начинал с того, что проводил *“чистку прививаемых”*. Он считал эти прививки безусловно профилактически лечебным средством против заболеваний бешенством при укусах бешеными этой инфекцией животными, но он при этом учитывал, что эти прививки не являются безразличной манипуляцией для прививаемых. Из опасений поствакцинальных осложнений он требовал строгого подхода к установлению индикации для прививок и отбора соответствующей схемы лечения. Он соглашался с полученными нами выводами при проведении работы в этом направлении и даже намеревался дать вступительную статью к подготовленной мною монографии на тему: *“О поствакцинальных осложнениях при антибарических прививках”*. К сожалению, по независящим от нас причинам, монография продолжает храниться у меня лишь напечатанной машинописью.

Мне неоднократно приходилось выслушивать рекомендации П.Н. или пожелания его, имевшие отношение ко мне и, конечно, к делу. Как правило, он это делал по собственной инициативе. Они не носили императивного характера. Помню его улыбку в это время. Я бы сказал, что она, если можно так выразиться, носила застенчивый характер. Независимо от этого, его советы носили печать уверенности. Я думаю, что при всей его скромности П.Н. знал себе цену и соответствующим образом ценил свой опыт, поэтому он прибегал к указанным рекомендациям. С вышеотмеченным выражением на улыбающемся лице П.Н. мне однажды, без специальной для этого причины, вручил свою небольшую фотокарточку с лаконичной надписью. В результате неблагоприятно сложившихся обстоятельств в моей жизни и этот документ пропал.

Мы, его близкие сотрудники, не замечали, что его долгие часы пребывания в институте вызвали особую усталость у него. Для подкрепления своего состояния ему было достаточно принять чашку крепкого кофе, приготовленного по особому рецепту его давнишней лаборанткой, еще со времен Одесской станции, - Софьей Харитоновной Вульбрун.

После реорганизации ГИНЗа в 1930 году разросшиеся отделы Санитарно-гигиенического института стали базой для вновь создаваемых больших профилированных институтов: 1. Общественного питания, 2. Общей и коммунальной гигиены, 3. Эпидемиологии и микробиологии и 4. Дезинфекции. Все эти институты выросли в крупные научно-исследовательские учреждения, а некоторые из них вошли в сеть институтов Академии медицинских наук СССР. Не будет преувеличением, если мы скажем, что зерна, посеянные под руководством П.Н. Диатроптова, сыграли определенную роль в расцвете гигиенической дисциплины на всех этих участках.

Годы шли, возникали новые задачи, и требовалось их выполнение с участием новых сил. Для этой цели во все институты были направлены молодые партийные кадры, перед которыми ставилась задача овладеть изучаемыми здесь дисциплинами до пределов, необходимых для руководящих научных работников. Уже было известно, что предстоит реорганизация и нашего института. Для П.Н. было намечено его переход в Государственный институт контроля сывороток и вакцин, где он с конца 1929 г. занимал место Л.А. Тарасевича в качестве директора.

Оглядываясь назад, не могу не сказать, что я, высоко оценивая успехи Санитарно-гигиенического института и роль в этом отношении П.Н., тяжело переживал, что эта реорганизация принимает столь широкий размер.

Я хорошо помню, что эти свои соображения о Сангигиинституте я хотел высказать у гроба П.Н., когда похоронная процессия сделала преднамеренную остановку у корпуса института ГИНЗа на Погодинке 10. Здесь ко мне даже подходили товарищи с предложением выступить и предупреждали, что это последняя точка, где это можно и надо сделать. В силу тяжелого своего общего состояния я не мог это выполнить.

Говоря о П.Н. нельзя не отметить его мастерство как руководителя собраний, совещаний и съездов. Этому содействовали его объективность, умение быстро ориентироваться в окружающей обстановке и способность выявить основное звено в самых сложных вопросах как в научных, так и организационно практических. Выдвигаемые им во время обсуждения вопросы, внесенные поправки, краткие и одновременно полные содержания выступления, как правило, направляли обсуждение, а его деловые резюме обычно принимали как основу для решений. Последние он обыкновенно аккуратно мелким заостренным шрифтом заносил в блокнот и передавал секретарю для использования. В качестве примера деятельности П.Н. в этом направлении считая целесообразным привести текст заключительной речи П.Н. на проводимом им VII Всероссийском съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, состоявшейся 20-28 мая 1923 года. В этой речи он сказал: *“Занятия съезда закончены, закончена напряженная почти недельная работа. Дать теперь подробную характеристику съезда, конечно, не представляется возможным. Перед Вами в секционных и пленарных заседаниях прошел длинный ряд докладов по научным и организационным вопросам. Первые, помимо литературных данных, освещающих тот или иной затронутый вопрос, дают яркую картину непрерывающейся у нас научной работы. Вторые, обрисовав положение врачебно-санитарного дела в настоящее время, дали перспективы и план строительства этого дела в ближайшем будущем. Будем надеяться; что с улучшением экономического положения страны мы получим возможность более совершенной постановкой работы для общей цели - оздоровления страны. В организации съезда есть, конечно, немало дефектов. Одной из причин этих дефектов является очень большое количество докладов, поступающих к тому же нередко в последние дни перед съездом, трудность распределить всю массу этого материала во времени, отведенном для съезда. Но едва ли можно сомневаться в том, что все эти дефекты не помешают вам унести с собой моральное удовлетворение от пережитого на съезде общения и научной работы. Позвольте от имени организационного бюро съезда пожелать вам успеха в вашей работе на местах”*.

Характерными бывали его реакции на неудачные выступления сотрудников при обсуждении соответствующих вопросов на научных конференциях института. В своих резюме он их обычно характеризовал как *“недоразумение”*.

Особый подход был у него, когда на конференциях института заслушивались доклады начинающих научных сотрудников. Он их обыкновенно поздравлял с успехом. Среди таких лиц в настоящем времени имеются высококвалифицированные деятели нашей страны. Нет сомнения, что указанное напутствие П.Н. они сохранили на всю жизнь.

П.Н. отличался большой скромностью. В качестве примера хочу привести следующий факт. Медицинская общественность выдвинула его кандидатуру в действительные члены Академии наук СССР. Мне было поручено подготовить необходимую в таких случаях документацию. В одной из встреч по этому поводу он мне сказал: *“Это напрасно. Пользуются негодными средствами”*. Он жил в это время на своей квартире довольно одиноко. Мы пытались установить список его трудов, чтобы их использовать для своей записки и представления в Академию наук. Мне это полностью не удалось. Не было документации, и П.Н. этого точно не знал. Он

говорил о сорока печатных работах и большого значения им не придавал. В этом отношении интересно привести следующий факт. Иозеф Кох²⁵ в своей известной монографии о бешенстве цитирует П.Н. (приводятся его данные о значении ранней явки укушенных на лечение), но найти эту статью оказалось для меня невозможным.

О заслугах П.Н. в борьбе с чумой и бешенством и их признание специалистами говорит то, что в 1929 году, когда отмечалось 70-летие его жизни и 45-летие научной и общественной деятельности, Московское научное общество микробиологов посвятило этой дате специальное заседание с докладами проф. Никанорова²⁶ (*“О современном состоянии борьбы с чумой”*) и моим *“К вопросу об изучении бешенства в СССР”*). Доклады были заслушаны в присутствии самого юбиляра. Эту дату отметил и журнал *“Гигиена и эпидемиология”*²⁷. Редакция поместила статью, посвященную деятельности Санитарно-гигиенического института, который в то время еще продолжал оставаться в центре внимания и интересов юбиляра (авторы статьи В.А.Левицкий и С.Б.Дубровинский)²⁸.

В 1923 году П.Н. получил от Наркомздрава заграничную командировку. Этим подчеркивалась высокая оценка его деятельности. В былые годы он интересовался такими путешествиями и нередко задерживался на соответствующих местах по несколько месяцев для получения достижения науки в области его специальности. На вокзале его провожала супруга, знаменитая артистка Малого Московского театра Вера Алексеевна Шухмина²⁹. Тяжело отметить, что вскоре она погибла во время железнодорожной катастрофы. Она беспокоилась за него и просила моего внимания к нему. Это было лишнее, так как я принял все меры, чтобы мы поехали в месте в одном купе. В Берлине мы поселились в одном пансионате, я его сопровождал при посещении Коховского института³⁰ и других научных учреждениях. Побывав после этого некоторое время в Париже, где П.Н. больше всего интересовало посещение Пастеровского института и встреча здесь с рядом его руководящих кадров (со многими из них он был и раньше знаком). На обратном пути П.Н. снова задержался в Берлине; из разговора с ним было ясно, что он остался довольным командировкой. Все же его статья отчетного характера, помещенная в журнале *“Гигиена и эпидемиология”* в 1924 году является образцом малословия.

Изложенное показывает, каким сохранился в нашей памяти незабвенный образ П.Н.Диатроптова, по стопам которого шли многие из его соратников, учеников и последователей. Надо признать, что представления П.Н. о взаимосвязи эпидемических процессов с низким уровнем санитарного состояния внешней среды следует считать прогрессивными до настоящего времени. Они получили широкое признание в нашей стране.

Петр Николаевич умер в 1934 году, 74-х лет³¹ от роду.

Мне известно, что одесские товарищи приступили к изучению его роли в работе Одесской бакстанции в течение 15-ти лет его руководства этим учреждением. Этот акт заслуживает всякого поощрения. То же должно быть выполнено и в отношении предшествовавшего и, особенно последующего периода его деятельности, когда он принимал участие при разрешении исторически важных задач в области здравоохранения. Надо предвидеть, что эта задача окажется нелегкой, так как без изучения архивных материалов на местах его деятельности нельзя будет обойтись, но перед этим останавливаться не следует. Далее ничего не известно о первых годах его жизни. Для полноты картины следует это выяснить путем изучения соответствующих материалов у него на родине и в местах его обучения в средней и высшей школах.

* * *

Из крупных деятелей ГИНЗа особое место занимает профессор Евгений Иванович Марциновский. Он является инициатором, организатором и руководителем одной из частей этого учреждения, носившего название “Тропический институт”. Он также является одним из наиболее активных участников при строительстве ГИНЗа в целом.

К времени моего знакомства с Е.И.Марциновским, в феврале 1919 года, хотя ему было всего 45 лет от роду, он уже был известен в стране, как крупный маляриолог, паразитолог и инфекционист широкого масштаба. Больше всего его занимали проблемы простейших и особенно малярии. В этой области он уже выделялся по своей деятельности в Пироговском обществе врачей. Он также много сделал, будучи земским врачом и работая в Земском союзе на Кавказском фронте во время первой мировой войны.

Ещё в 1904 году Е.И. вместе с Богровым С.Л.³² привил себе кожный лейшманиоз. Авторы окончательно подтвердили этиологию пендинки, установленную в 1898 году П.Ф.Боровским³³ в работе, выполненной в Ташкенте. Уместно упомянуть, что издавна известный для русских исследователей прием экспериментировать на себе лично, стал в этом отношении традиционным для исследователей изучающих лейшманиоз.

В СЭС, где мы с ним впервые встретились, он занимал по совместительству должность консультанта-эпидемиолога. Основная его работа была в бывшей Павловской больнице (ныне Московская 4-я городская больница), где он заведовал инфекционным отделением и одновременно выполнял обязанности прозектора, бактериолога и др. При первой встрече с этим представительным красивым человеком, он произвел впечатление спортсмена и туриста; он сохранял свой внешний вид простого человека во френче и сапогах даже в парадной обстановке. Мы приводим фотографию, которая относится к 30 августа 1920 года, когда он был сфотографирован вместе с участниками торжественного заседания, по случаю открытия ГИНЗа³⁴. Видимо такая внешность стала для него обычной и особо приемлемой, как результат участия во многочисленных экспедициях малярийной комиссии Пироговского общества врачей. Этому содействовало и то, что будучи врачом Земского союза на Кавказском фронте во время первой мировой войны, он возглавлял комиссии по изучению заболеваемости малярией, простейшими, кишечными и др. инфекциями, бывшими эндемичными в этих местах. Он так же руководил там бригадами, которые проводили профилактические прививки против кишечных инфекций. Выполнение такой работы, естественно, требовало выносливости, тренировки и умения приспосабливаться к любым условиям жизни. В дальнейшем мы убедились, что это было, действительно, свойственно Е.И., любившему охоту и природу еще с детства.

О его общественной деятельности в прошлом можно судить по тому, что начиная с 1911 года он состоял председателем малярийной комиссии Пироговского общества. Е.И. является одним из тех членов этого общества, который еще в 1918 году пришел в создаваемый Наркомздрав РСФСР и предложил руководству свои знания и опыт для строительства дела здравоохранения на новых началах. В СЭС он консультировал по ряду вопросов инфекционной заболеваемости и борьбы с ней. В центре его внимания были малярия, протозойные болезни и паразитарные тифы. В связи с эпидемическим состоянием страны такая работа была особо необходима

Наркомздраву. Как уже было отмечено, сам нарком Н.А.Семашко руководил Центральным противоэпидемическим советом. На одном из заседаний совета, на котором я секретарствовал, был заслушан его доклад о применении предложенной им противосыпозной сыворотки для лечебно-профилактических целей. Сейчас этот препарат имеет только историческое значение, но в то опасное время указанное предложение следует рассматривать как прогрессивное. В СЭСе он уделял много времени работе Центральной сывороточно-вакциной комиссии и особенно он много делал в Совете по организации ГИНЗа, где наряду с другим намечалось создать институт по борьбе с малярией и другими болезнями, вызываемыми простейшими. Данным вопросом своевременно занимались малярийная комиссия Пироговского общества, Государственная дума и ряд совещаний и съездов врачей, но к его практическому разрешению подошли лишь после революции и создания Наркомздава РСФСР. В 1918 году Е.И. представил в Наркомздрав план такого института. Он был обсужден и утвержден коллегией последнего, а затем с положительным результатом рассмотрен в УМСе НКЗ.

Когда вскоре после этого был решен вопрос о создании ГИНЗа, признали целесообразным включить в его состав и данный институт, как одну из составных его частей. С этим связано, что Е.И. был самым активным членом Ученого совета ГИНЗа и он очень много внимания уделял вопросу об ускорении открытия последнего, что произошло 30 августа 1920 года. С этой датой связано начало работы и Тропического института. Уже с самого начала деятельности этого учреждения его масштабы требовали максимума средств, которыми располагал ГИНЗ. В первые годы существования последнего Тропический институт поглощал около 1/3 сметных ассигнований, которые отпускались для всего учреждения.

Из отделов института с определенным кругом задач раньше других стал работать отдел протозойных болезней, заведующим которого был Е.И.Марциновский. К этому времени в этом отделе была сосредоточена основная научно-исследовательская работа всего института. Ввиду этого здесь работала значительная часть научных работников. Выполнялись разнообразные темы, которые в дальнейшем стали оформляться, как печатные работы на русском и иностранных языках.

По мере развертывания работы института начали функционировать такие отделы, как энтомологический, токсикологический, эпидемиологический и гельминтологический. Особенностью Тропического института было то, что он, изучая протозойные заболевания, глистные инвазии и болезни жарких стран с самого начала располагал клиникой и поликлиникой изучаемых болезней и обрастал рядом других участков, как музей, питомник лабораторных животных и т.д.

Е.И.Марциновский проявлял интерес к гельминтологическому отделу, руководимому К.И.Скрябиным³⁵. Здесь большое место занимала экспедиционная деятельность. Развертывая большую работу, этот отдел сыграл определенную роль в борьбе с глистными инвазиями людей, которые в первые годы советской власти приняли в стране эпидемический характер. Последнее обстоятельство побудило и нас, работников эпидотдела Санитарно-гигиенического института заняться изучением этого вопроса. На конференции института под председательством К.И.Скрябина, где мы доложили результаты своей работы (данные обследования на глистные инвазии некоторых групп московского населения и некоторые задачи медицинской гельминтологии. ЖМЭИ 1927, т.4, вып.4³⁶). Здесь Е.И. авторитетно поддержал наш тезис, что экспедиционные гельминтологические работы уже должны вестись не только вширь, но и вглубь. Такая точка зрения для Е.И. - убежденного приверженца экспедиционного метода при изучении эпидемиологических

процессов на местах и разработки борьбы с инфекциями и инвазиями, имело большое принципиальное значение. В нашем предложении речь шла о пределах значимости экспедиционной работы и о возможном ослаблении ее ценности при накоплении больших материалов без своевременного и полного их использования, как на практике, так и в научных обобщениях. Лично Е.И. стремился при изучении инфекции на местах привлекать местные силы и тем самым готовить кадры. Он старался лично бывать в наиболее пораженных очагах, участвовать при проведении научно-обоснованных мероприятий.

В соответствии с задачами института его деятельность была направлена на создание большой сети малярийных станций в наиболее пораженных местах, а в субтропических районах страны – местных тропических институтов. Личный и деловой контакт Е.И. и его сотрудников с этими учреждениями никогда не прерывался. Для этого пользовались выездами на места, подготовкой по определенной программе кадров, анализом периодических отчетов, печатанием трудов, устройством систематических совещаний и т.д. В этом аспекте исключительное значение приобретает тот факт, что уже в 1923 году начал издаваться периодический журнал института³⁷. Кроме того, публиковались специальные сборники и руководства, необходимые периферии.

Создаваемому институту нужны были кадры. Среди старшего поколения соответствующих специалистов было мало и Е.И. начал их готовить своими силами, привлекая всех, кто мог быть полезен в этом отношении. Это была главным образом молодежь. В качестве первых таких сотрудников следует назвать А.И. и Е.И.Щуренковых³⁸, Л.М.Исаева³⁹ и Ш.Д.Мошковского⁴⁰. С Л.М.Исаевым были у Евгения Ивановича общие интересы по распространению медицинских знаний среди широких слоев населения. Л.М. был первым заведующим отделом санитарного просвещения Наркомздрава. При его участии был создан в Тропическом институте музей малярии и болезней жарких стран. Он был открыт уже в 1920 году, в него вошел аналогичный музей Пироговского общества, в основном созданный трудами и заботами Е.И.Марициновского. Л.М. довольно скоро перекочевал в Бухару, где он в контакте с Тропическим институтом развернул большую краеведческую работу и борьбу с местными эндемическими заболеваниями, в том числе с лейшманиозом. Из первых сотрудников института, которые активно помогали Е.И. в организационной работе, следует отметить Ш.Д.Мошковского и П.П.Попова⁴¹.

Из наиболее ранних отделов является эпидемиологический. Он уже в 1920 году проводил практическую работу в борьбе с малярией на местах. На него было возложено ряд функций, которые раньше выполнялись самим Наркомздравом. К этому времени в институт перешла М.Г.Рашина⁴², которая до того являлась эпидемиологом-маляриологом СЭС и проводила свою работу под непосредственным руководством Е.И. Он неоднократно отмечал как достижение, что в вопросах борьбы с малярией в стране, его институт слился как единое целое с Наркомздравом. Перед этим отделом Е.И. ставил следующие задачи: освещение эпидемиологии малярии в стране, разработку статистических материалов по этой инфекции, анализ отчетов малярийных станций и консультация по вопросам гидротехники и мелиорации. Хорошо известно, что душой этих работ был сам Е.И. Как уже отмечено, что институт много внимания уделял подготовке кадров. В системе ГИНЗа он является первым, который организовал соответствующие курсы по малярии, протозойным болезням и медицинской гельминтологии. Первые такие курсы были проведены в 1921 году для 14 курсантов. В дальнейшем до организации Центрального института

усовершенствования врачей⁴³ на базе Тропического института ежегодно проводились трехмесячные курсы. Некоторые из преподавателей, а также курсантов стали впоследствии организаторами и руководителями малярийных станций и периферических тропических институтов. Е.И. охотно направлял своих учеников и сотрудников в эти учреждения. К первым, которые выполняли такую миссию, относятся Л.М.Исаев (Узбекистан) и И.Н.Пикуль⁴⁴ (Дагестан), П.П.Попов (Армения и Азербайджан) и А.И.Щуренкова (Таджикистан). Это оказалось лучшей формой связей центра с периферией и оказания помощи последней.

Е.И. на деле доказал необоснованность возражений тех, которые считали, что такой институт следовало бы создать не в Москве, а в местности эндемичной по намеренным для изучения инфекциям. Раньше сам Е.И. разделял такую точку зрения, но в условиях советской действительности он пришел к заключению, что организация Тропического института в Москве наиболее целесообразна, так как здесь он сможет осуществлять функции центрального учреждения в своей области. Будучи богато оснащенный и располагая наиболее квалифицированными кадрами, Тропический институт, считал Е.И., сможет с лучшим успехом выполнять свои научно-исследовательскую, экспериментальную и методологическую работу с родственными ему институтами, работающими в Москве. По его представлению при таких условиях смогут быть созданы и лучшие возможности для подготовки кадров - специалистов.

Все сказанное о проводимой институтом работой говорит о том, что планы и намерения Е.И. осуществлялись на практике довольно полно.

Свои первые шаги Тропический институт начал на бывшей Кудринской улице (ныне Красная Пресня) д.№8 в помещении, предназначенном его бывшими владельцами для частной высшей медицинской школы. Приспособление этого учреждения для задач института оказалось очень трудным, но оно было преодолено благодаря энергии, настойчивости и постоянному участию самого директора.

Он вникал во все административно-хозяйственные дела и проявлял большую требовательность к персоналу этого участка, которому нередко приходилось выслушивать от Е.И., когда он бывал недоволен: *“Не институт для вас, а вы для института”*. Это напоминание требовало от сотрудников исправления ошибок. Трудности преодолевались, и институт уже здесь развернул серьезную многогранную деятельность в соответствии с требованиями времени.

Прошло 3-4 года и институты ГИНЗа перешли с Кудринской ул. на Погодинскую, 10. Здесь они получили возможности для широкого развертывания своих отделов и создания новых. Круг задач Тропического института был большой. Кроме уже упомянутых отделов и лабораторий, которые функционировали по Кудринской 8, в новом помещении широко развернулась работа в области энтомологии, химиотерапии, заболеваний, вызываемых простейшими, токсикологии в целях борьбы с насекомыми и членистоногими переносчиками инфекций (В.А.Набоков⁴⁵), медико-ветеринарного дела (А.И.Метелкин⁴⁶) и под руководством В.И.Кедровского⁴⁷ приступили к работе по лепре.

При всех трудностях с которыми сталкивался Е.И.Марициновский в своей деятельности по борьбе с малярией, которая еще ряд лет занимала ведущее место в заболеваемости страны и тормозила ее экономическое процветание, Е.И. постоянно выступал и доказывал возможность ее ликвидации. С таким проектом он выступал даже в 1932 году. Он знал, что проведение мелиоративных работ и других оздоровительных мероприятий приведет к уничтожению переносчика. На эти работы он направлял деятельность всех руководимых им учреждений. Известно, что эта задача была действительно закончена с полным успехом его учениками.

Лично Е.И.Марциновский в своей деятельности не ограничивался задачами указанных выше проблем. В качестве примера приведем следующий факт. В 1922 году в Рязанском округе разразилась эпидемия неопределенной этиологии. Е.И. возглавил специальную бригаду для изучения этой вспышки. Было проведено всестороннее эпидемиологическое обследование. Бригаде удалось выделить возбудителя туляремии, определить источник инфекции (водяную крысу, размножавшуюся у реки Камы) и имевшийся механизм передачи (связь с выловом указанной крысы и использование ее шкурки для промышленных целей). В числе наиболее активных участников бригады состоял Л.М.Хатеневер. С того времени последний полностью посвятил себя изучению проблемы туляремии и стал ведущим специалистом по этой инфекции у нас в стране. Несмотря на это, он никогда не забывал той роли, которую сыграл Е.И. в этом вопросе.

К заслугам Е.И. следует отнести и то, что участвуя как представитель Советского Союза на различных съездах и комиссиях международного значения, он везде докладывал о достижениях как своего учреждения, так и его большого коллектива сотрудников, об изучаемых ими проблемах и, в частности, о борьбе с малярией.

В целях подготовки научных кадров из коммунистов и ускорения этого процесса, в 1929 году была направлена в Тропический институт значительная группа аспирантов и молодых научных сотрудников. Это были очень энергичные люди, прошедшие в прошлом серьезный жизненный путь. Среди этих сотрудников в Тропическом институте особенно выделялся наиболее старший и уже подготовленный к ответственной работе Петр Георгиевич Сергиев⁴⁸. Е.И. скоро пришел к выводу, что последний является подходящим лицом для его замещения, и стал проводить определенную работу по его подготовке в этом направлении. Он эту сложную задачу выполнял охотно, методически и с полным сознанием целесообразности.

После смерти Е.И.Марциновского П.Г.Сергиев занял должность своего учителя.

В 1932 году Е.И. был назначен на должность председателя УМСа НКЗ⁴⁹. В этот период народным комиссаром Народного Здравоохранения РСФСР был Михаил Федорович Владимировский⁵⁰. Некоторые функции УМСа были переданы во вновь созданный при Наркомздраве Комитет по науке. Для консолидации деятельности этих родственных учреждений необходим был со стороны председателя УМСа умелый подход, большие знания в различных областях здравоохранения и в требованиях страны. Е.И., как никто другой был пригоден для решения такой задачи. Будучи к тому времени уже тяжело больным, он умел выполнять свои обязанности не только директора института, но и председателя УМСа со свойственной ему энергией и заинтересованностью. Он здесь при этом сохранил традиции своих достойных предшественников Л.А.Тарасевича и П.Н.Диатроптова, а именно преданность науке, любовь к человеку и учет интересов Родины. Мы это наблюдали, работая в этот период в эпидотделе ЦИЭМа⁵¹, которому он давал ответственные поручения и помогал в продвижении в жизнь разработанных вопросов.

В то время, как и всегда, вопрос борьбы с гриппом являлся весьма актуальным. Е.И. привлек к изучению этой проблемы вирусолога Зильбера Л.А.⁵², специалиста по профпатологии Левицкого В.А. и меня. В то время придавалось большое значение хлорированию воздуха в качестве средства борьбы с данным заболеванием. В мою задачу входило изучение состояния заболеваемости данной инфекции среди рабочих и служащих на Трехгорном производстве.

Здесь в производственных условиях постоянно проводилось хлорирование воздуха.

Е.И. проводил специальную конференцию с докладом указанных авторов. Болезнь помешала ему организовать печатание этих трудов в виде отдельного сборника. Уже было видно, что подкраившаяся тяжелая болезнь подкашивала силы его могучего организма. Он умер в 1934 году.

Свои многочисленные обязанности, как правило, Е.И. удавалось выполнять всегда успешно. Тем не менее нельзя не отметить, что свойственные ему принципиальность, требовательность и настойчивость приводили иногда к конфликтам с товарищами и сотрудниками.

Он ушел от жизни 60-ти лет и он мог бы еще много сделать. Мы думаем, что его успех обуславливался тем, что с одной стороны он, не смотря на большой круг интересовавших его проблем, отличался целеустремленностью. Обладая талантом подбирать ценных и верных сотрудников, он воспитывал из них хороших специалистов и крупных ученых своего многогранного профиля. Вместе с ними он разрешал актуальные задачи. Не менее важным было и то, что при советской власти для его деятельности были созданы исключительно благоприятные условия, которые он сумел использовать с исчерпывающей полнотой.

Характеризуя заслуги крупных медицинских работников, Е.И. обычно делил их на две категории: на деятелей, которые оставляли после себя школу, продолжавшую их идеи и дела, и на лиц, которые сами сумели много сделать, но не оставляли смены, продолжателей их работы. Последняя, как правило, замирала вместе с их уходом. О Е.И.Марциновском можно сказать, что он действительно создал большую школу, которая продолжала и продолжает нарастающими темпами развивать его подвиг. Достаточно указать на таких его учеников и сотрудников, как В.Н.Беклемишев⁵³, А.И.Метелкин, Ш.Д.Мошковский, В.А.Набоков, В.П.Подъяпольская⁵⁴, М.Г.Рашина, П.Г.Сергиев и др. К ним надо причислить создателей периферических тропических институтов, как Л.М.Исаев, И.Н.Пикуля, П.П.Попова, А.И.Щуренкова и др., а также работников большой сети малярийных станций. Многие из них продолжают свою деятельность до настоящего времени в соответствии с современными требованиями. Вся его школа много сделала для благоприятного разрешения вопроса ликвидации малярии у нас в стране. В самые трудные годы Е.И. не выпускал из своего поля зрения этого вопроса.

Характеризуя заслуги Е.И., нельзя не упомянуть об его общественной деятельности в гражданских учреждениях. Он долгие годы был депутатом Московского горисполкома и председателем его медицинской секции. Он любил общение с народом и имел особый подход к простым людям, из среды которых он вышел. Он не отказывался выступать с популярными лекциями по различным вопросам здравоохранения.

Сказанное нами о Евгении Ивановиче Марциновском является попыткой воспроизвести часть того, что было выполнено этим незаурядным и исключительно энергичным человеком за последние 15 лет его работы, которые являются наиболее продуктивным периодом его жизни. Безусловно многое из важного не сказано, поскольку мы этого лично не наблюдали. Это должны дополнить другие его приверженцы, ученики и сотрудники. Его труды, организаторский талант, форма работы и весь его образ заслуживают того, чтобы они были тщательно изучены и представлены в таком виде, чтобы вся наша страна знала о них и могла судить, как много может сделать советский ученый, врач, патриот и гражданин, каким был Евгений Иванович Марциновский.

* * *

В системе ГИНЗа безусловно заслуживает отметить деятельность Института микробиологии, организатором и руководителем которого был профессор Барыкин Владимир Александрович. По своему профилю этот институт проектировался как один из ведущих, поскольку в его обязанности было изучение инфекции и изыскание специфических методов по борьбе с ними. Он был открыт с некоторым опозданием. Моего участия в этом деле уже не было, а контакты в дальнейшем с этим учреждением у меня были ограничены. Это не позволяет мне, независимо от интереса, подробно останавливаться на этом участке.

В.А.Барыкин являлся одним из представителей школы И.Г.Савченко⁵⁵. До приезда в Москву для работы в ГИНЗе и одновременного руководства кафедрой микробиологии при Первом Московском мединституте⁵⁶, он работал в Ростове-на-Дону. Он здесь развернул свою работу об этиологической роли его микроба при сыпном тифе. В Москве он ее продолжил. В дальнейшем микроб получил признание специалистов в мировой литературе, как представитель риккетсиозов. В первые годы своей деятельности Микробиологический институт много внимания уделял эпидемиологии холеры. Из других эпидемиологических вопросов следует упомянуть успешно разрешенное изучение очага сибирской язвы пищевого происхождения в гор.Ярославле. Основное направление института было всестороннее изучение процессов иммунологии и вопросов общей и медицинской микробиологии. Здесь широко применялся при творческом участии биофизика В.Куликова⁵⁷ биофизический метод. Мы уже указывали, что определенное место в этом учреждении занимали вопросы эпидемиологии при изучении отдельных инфекций. В этом разделе работы особенно выделялся А.А.Захаров⁵⁸. Следует также подчеркнуть, что здесь начал Л.А.Зильбер свои вирусологические изыскания, получившие затем широкую известность.

Заслуги этого института особенно значительны в том, что из его недр вышел ряд крупных микробиологов, иммунологов и вирусологов (Г.В.Выгодчиков⁵⁹, Л.А.Зильбер, Е.Н.Левкович⁶⁰, А.Компанец⁶¹, С.М.Минервин⁶², Фризе⁶³ и др.). Некоторые из них с большим успехом продолжают свою исследовательскую и педагогическую работу до настоящего времени. В.А.Барыкин, как крупный микробиолог и иммунолог, а также его ведущие сотрудники будут отмечаться в дальнейшем по их выступлениям на съездах республиканского и союзного значения.

После реорганизации ГИНЗа В.А.Барыкин вместе с группой ведущих сотрудников перешел в качестве научного руководителя в Московский микробиологический институт им. И.И.Мечникова. Другая часть сотрудников вошла во вновь организованный Центральный институт эпидемиологии и микробиологии. К работе этого института мы еще вернемся.

В системе ГИНЗа определенное место занимали Институт экспериментальной биологии (директор профессор Н.К.Кольцов⁶⁴), Институт физиологии питания (директор проф. М.Н.Шаперников⁶⁵) и Институт биохимии (директор профессор А.Н.Бах⁶⁶). Деятельность этих учреждений, как и их руководителей я касаться не смогу, так как в мою задачу входит освещение вопросов эпидемиологии и связанных с нею дисциплин.

---

¹НКЗ РСФСР - Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

²Семашко Николай Александрович (1874-1949) - в 1918-1930 гг. народный комиссар здравоохранения РСФСР.

³Соловьев Зиновий Петрович (1876-1928) - в 1918-1928 гг. заместитель народного комиссара здравоохранения РСФСР.

⁴Мечников Илья Ильич (1845-1916) - патолог, бактериолог и иммунолог.

⁵Борде /Bordet Жюль (1870-1961) - бельгийский иммунолог и бактериолог.

⁶Научная экспедиция в Калмыцкие степи состоялась в 1911 г.

⁷БЦЖ - противотуберкулезная вакцина.

⁸Безредка Александр Михайлович (1870-1940) - микробиолог.

⁹Ныне - Государственный научно-исследовательский институт стандартизации и контроля медицинских биологических препаратов имени Л.А.Тарасевича.

¹⁰Пастеровский институт /Institut Pasteur в Париже был основан в 1888 г., с целью борьбы с заразными болезнями. Основателем его и первым руководителем был Луи Пастер.

¹¹Санитарно-эпидемиологическая секция Народного комиссара здравоохранения РСФСР.

¹²X Всесоюзный съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей им. И.И.Мечникова. Одесса, 5-11 сентября 1926 г.

¹³Эрисман Фёдор Фёдорович (1842-1915) - один из основоположников научной гигиены в Российской империи.

¹⁴Буйвид Оскар Феликсович (1857-1938) - бактериолог и гигиенист.

¹⁵Точнее 1/13 июля 1893 г. Диатроптов занял должность заведующего Одесской бактериологической станцией.

¹⁶Медицинский факультет Московских высших женских курсов, в советскую эпоху - 2-й Московский медицинский институт, а ныне - Российский государственный медицинский университет.

¹⁷Коцын Максим Борисович (1860-1917) - гигиенист.

¹⁸VII Всероссийский съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей (Москва, 22-28 мая 1923 г.).

¹⁹Левицкий Вячеслав Александрович (1867-1936) - гигиенист, заслуженный деятель науки РСФСР.

²⁰Карловы Вары, ныне в Чешской республике, ранее - Карлсбад.

²¹Надо считать опечатка, надо не Акимов Е.С., а Акимов Иван Георгиевич (1895 - ?).

²²Арбатская Елена Сергеевна (1881 -?)

²³Розенфельд Вера Давидовна (1891 - ?) - гигиенист и эпидемиолог.

²⁴В.Д.Хатаневер - явная опечатка. Надо - Хатаневер Леонид Моисеевич (1896-1948) - микробиолог.

²⁵Кох /Koch Иозеф (1872-1944) - немецкий микробиолог.

²⁶Никаноров Сергей Михайлович (1885-1942) - бактериолог.

²⁷Сдвоенный номер журнала "Гигиена и эпидемиология" (№3-4) за 1929 г. был посвящен П.Н.Диатроптову по поводу его 45-летнего юбилея. В этой книжке журнала помещены три юбилейные статьи: *Семашко Н.А.* Заслуженному деятелю науки (с.6-7); Проф. П.Н.Диатроптов. К 45-летию юбилею его врачебно-научной деятельности (с.7-9; подпись: редакция); *Дембо И.Г.* П.Н.Диатроптов и общемедицинские съезды (с.136-141).

²⁸*Левицкий В.А., Дубровинский С.Б.* Санитарно-гигиенический институт ГИНЗа // Гигиена и эпидемиология. - 1929. - №3-4. - С.132-136.

²⁹Шухмина (Диатроптова) Вера Алексеевна (1882-1925) - актриса, в 1910-1925 гг. в Малом театре. В браке у П.Н.Диатроптова и В.А.Шухминой (Диатроптовой) детей не было.

³⁰Коховский институт - Институт инфекционных болезней Р.Коха в Берлине. Был основан в 1891 г. специально для Роберта Коха как Прусский институт инфекционных заболеваний / Preuvisches Institut für Infektionskrankheiten. Научное отделение Института инфекционных болезней Р.Коха, ныне - Институт имени Роберта Коха / Robert Koch-Institut - основная научная организация Федерального министерства здравоохранения в области медико-биологических наук.

³¹Точнее П.Н.Диатроптов скончался 75 лет от роду.

³²Богров Сергей Львович (1878-1923) - дерматовенеролог, доктор медицины, профессор.

³³Боровский Петр Фокиевич (1863-1932) - ученый-медик, профессор.

³⁴Государственный научный институт народного здравоохранения имени Пастера ("ГИНЗ"). 1919-1924. Организация, деятельность и научные труды. - М., 1924. После предисловия вкладной лист с фотографией: "Торжественное заседание Института совместно с 4 Съездом бактериологов и эпидемиологов 30 августа 1920 года по случаю открытия Института". Среди других Е.И.Марциновский.

³⁵Скрябин Константин Иванович (1878-1972) - гельминтолог, академик АН СССР, ВАСХНИЛ, АМН СССР, Герой Социалистического Труда.

³⁶ЖМЭИ – Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. Так ныне называется "Журнал микробиологии, патологии и инфекционных болезней". *Дубровинский С.Б., Кранцфельд А.М., Розенфельд В.Д., Саламандра Э.Г.* Данные обследования на глисты некоторых групп московского населения и очередные задачи медицинской гельминтологии // Журнал микробиологии, патологии и инфекционных болезней. - 1927. - Т.4, Вып.4. - С.503-522.

³⁷"Русский журнал тропической медицины", ныне - "Медицинская паразитология и паразитарные болезни".

- ³⁸Щуренкова Александра Ивановна (1901 - ?) - паразитолог.
- ³⁹Исаев Леонид Михайлович (1886-1964) - паразитолог и эпидемиолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ⁴⁰Мошковский Шабсай Давидович (1895-1982) - паразитолог, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР.
- ⁴¹Попов Петр Петрович (1888-1964) - эпидемиолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ⁴²Рашина Мария Григорьевна (1889-1973) - маляриолог.
- ⁴³Центральный институт усовершенствования врачей - ныне Российская медицинская академия последипломного образования.
- ⁴⁴Пикуль Иван Николаевич (1893-1951) - маляриолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ⁴⁵Набоков Валериан Александрович (1899-1976) - маляриолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ⁴⁶Метелкин Анатолий Иванович (1894-1973) - микробиолог и историк медицины, доктор биологических наук, профессор.
- ⁴⁷Кедровский Василий Иванович (1865-1937) - патолог и бактериолог, доктор медицины, профессор.
- ⁴⁸Сергиев Петр Григорьевич (1893-1973) - паразитолог, академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда.
- ⁴⁹УМС НКЗ - Ученый медицинский совет Народного комиссариата здравоохранения.
- ⁵⁰Владимирский Михаил Федорович (1874-1951) - с 1930 г. по 1934 г. народный комиссар здравоохранения РСФСР.
- ⁵¹ЦИЭМ - Центральный институт эпидемиологии и микробиологии.
- ⁵²Зильбер Лев Александрович (1894-1966) - вирусолог, академик АМН СССР.
- ⁵³Беклемишев Владимир Николаевич (1890-1962) - зоолог, академик АМН СССР.
- ⁵⁴Подъяпольская Варвара Петровна (1892-1975) - гельминтолог, член-корреспондент АМН СССР.
- ⁵⁵Савченко Иван Григорьевич (1862-1932) - микробиолог, доктор медицины, профессор.
- ⁵⁶1-й Московский медицинский институт, ныне - Московская медицинская академия им. И.М.Сеченова.
- ⁵⁷Куликов Вячеслав Михайлович (1890 - ?) - инженер-технолог, биохимик и биофизик.
- ⁵⁸Захаров Алексей Александрович (1897-?) - микробиолог.
- ⁵⁹Выгодчиков Григорий Васильевич (1899-1982) - микробиолог, академик АМН СССР.
- ⁶⁰Левкович Елизавета Николаевна (1900-1982) - вирусолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ⁶¹Компанец Анна Иосифовна - микробиолог.
- ⁶²Минервин Сергей Михайлович (1888-1971) - микробиолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ⁶³Фризе Вадим Владимирович (1881-?) - микробиолог.
- ⁶⁴Кольцов Николай Константинович (1872-1940) - биолог, член-корреспондент АН СССР.
- ⁶⁵Шатерников Михаил Николаевич (1870-1939) - физиолог, доктор медицины, профессор.
- ⁶⁶Бах Алексей Николаевич (1857-1946) - биохимик, академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда.

Дубровинский С.Б. О руководителях государственного научного института народного здравоохранения (ГИНЗ): Лев Александрович Тарасевич (1868-1927), Петр Николаевич Диатроптов (1858-1934), Евгений Иванович Марциновский (1874-1934), Владимир Александрович Барькин (1879-1939)

Впервые публикуется фрагмент из воспоминаний профессора Самуила Борисовича Дубровинского (1885-1975), который посвящен четырем ученым, первым директорам институтов входивших в состав ГИНЗа. Комментарии К.К.Васильева.

Dubrovinsky S.B. About Leaders Of State Scientific Institute Of Public Health (SSIPH): Lev Alexandrovich Tarasevich (1869-1927), Pyotr Nikolaevich Diatroptov (1858-1934), Yevgeny Ivanovich Martsynovsky (1874-1934), Vladimir Alexandrovich Barykin (1879-1939)

One fragment of the professor Samuil Borisovich Dubrovinsky's recollection (1885-1975), devoted to four scientists, the first directors of the institutes which were included in SSIPH, was published for the first time. K.K.Vasylev's comments.